

Полвека в девушках

провел знаменитый актер театра кабуки

Кашмерсантъ - 2003 - 12 марта - с. 22.

гастроли театр

Сегодня в Москве даст пресс-конференцию Накамура Гандзи-ро, один из самых знаменитых японских актеров, обладатель титула «Живое национальное достояние». Труппа традиционного японского театра кабуки «Тикамацу-дза», которой он руководит, вскоре привезет в Россию на гастроли в рамках Чеховского фестиваля спектакль «Самоубийство влюбленных в Сонэдзаки». Этому легендарному спектаклю уже 50 лет. Недавно к нему приобщился и обозреватель „Ъ“ РОМАН ДОЛЖАНСКИЙ.

В театре кабуки женщины не играют: все женские роли в спектаклях издавна исполняют мужчины, которые называются оннагата. Оннагата по имени Хитаро Каяси вот уже полвека играет одну из знаменитых женских ролей — девушку Охацу из пьесы японского классика Тикамацу Мондзаэмона «Самоубийство влюбленных в Сонэдзаки». Когда Хитаро Каяси первый раз сыграл 19-летнюю куртизанку, ему было чуть больше 20, сейчас — немного за 70. Но он по-прежнему густо белит перед спектаклем лицо, шею и ту часть спины, которая видна над низким воротником, потом черным по белому рисует брови, а розовым — рот и уголки глаз, надевает яркое кимоно и семенит на сцену.

Его настоящее имя мало кого интересует. Вся Япония знает его как Накамуру Гандзи-ро, вернее, Гандзи-ро III: ведь когда актер театра кабуки вступает на сцену, он добровольно отказывается от своей гражданской фамилии и принимает фамилию труппы. А имя передается от отца к сыну и меняется только порядковый номер. Как в королевской семье. Только вообразите — когда нынешний Гандзи-ро в 50-е начинал играть девушку Охацу, влюбленного в нее юношу Токубея играл отец актера Гандзи-ро II. А теперь молодого приказчика играет сын, причем эта роль в пьесе Тикамацу перешла напрямую от деда к внуку.

Жизнь традиционного театра вообще соткана из огромного количества не сегодня сложившихся условностей и правил, которые лучше не проверять европейской логикой. Вот, к примеру, в кульминационные моменты представления кто-нибудь из зрителей непременно коротко выкрикивает какое-то слово. Оказывается, это девиз того актера, которого таким образом пытаются из зала приободрить. Вообще, театр кабуки, который у нас, на Западе, считается загадочным и таинственным, на самом деле демократическое искусство для горожан. И теперь горожане хоть в Токио, хоть в Киото целый день сидят в театре, смотрят по несколько пьес кабуки кряду, а в перерывах, не выходя из зала, кушают свою еду из деревянных коробочек.

Когда-то Гандзи-ро (справа) слушал лирические объяснения в исполнении своего отца, а теперь слова любви повторяет ему его сын

Большинство пьес публика знает почти наизусть, потому что идут они годами. Сюжет спектакля, который привезет в Москву, чем-то напоминает «Ромео и Джульетту»: юноша и девушка любят друг друга, но обстоятельства и финансовые трудности таковы, что они не могут соединиться, и тогда они убегают от людей в лес и там совершают самоубийство. Лес изображен темно-зелеными бутафорскими зарослями, а до этого на сцене можно увидеть легкие ширмы цвета кофе с молоком — традиционный японский домик — и городскую площадь, на которой начинается действие. В спектакле нет той пестрой праздничной зрелищности, которая характерна для цикла пьес о самураях и с которой, наверное, связаны смутные представления о театре кабуки у потенциальных зрителей московских гастролей. Сами японцы и Гандзи-ро III дорожат

«Самоубийством в Сонэдзаки» именно как лирической историей и, как они сами признаются, надеются тронуть души русских. Есть в этом стремлении какая-то милая наивность, вообще свойственная традиционному театру.

Впрочем, если что и может вызвать прямую зрительскую эмоцию, то это действительно игра Гандзи-ро. И не потому, что он так уж удивительно перевоплощается в девушку. Но манера его, грубому европейскому глазу поначалу кажущаяся лишь весьма специфическим характерным кривляньем, постепенно обретает настроение и смысл. Манерное и хрупкое искусство оннагата вдруг подбирается к какому-то глубинному печальному лиризму жизни, так что начинаешь вдруг верить дежурным уверениям в том, что высокое мастерство не знает национальных границ восприятия. Хотя любовные монологи Охацу больше по-

хожи то на птичье клекотание, то на скрип несмазанных петель, и дребезжащий голосок долго прыгает и дергается, пока не вытянется вдруг в пронзительную звуковую струнку. Хотя в мелком переборе невидных ног, взмахах рук и наклоне головы не видно «любовного настроения», но зато предфинальный и безмолвный танец отчаяния, которым Охацу обволакивает любимого мужчину, буквально наэлектризует воздух. А на странном, нечеловеческом лице героини постепенно проступает беспыльная покорность перед лицом неминуемой смерти. Приятно учить непостижимым образом выражается всем актерским телом. Оно не просит о спасении и так спокойно приближается к смерти, что сам кровавый конец теряет смысл: занавес закрывается за секунду до того, как влюбленным суждено за-мертво упасть на подмостки.